

Алексей Еремин
Гибельной дорогой

Алексей Еремин

Гибельной дорогой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9368056

ISBN 9785447407407

Аннотация

Текст ни одной строкой не является оправданием, которого можно было бы ожидать от меня и мне подобных, учитывая ту ненависть, которую к нам испытывает человечество. Я слишком умён, чтоб навязать своё мнение послушной черни, слишком горд, чтобы доказывать свою правоту лучшим. Текст написан, чтоб рассказать свою правду и предостеречь от повторения пагубных ошибок, что привели человечество в столь униженное состояние. Афанасий Разумнов.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	6
Глава третья	7
Глава четвёртая	11
Глава пятая	12
Глава шестая	15
Глава седьмая	17
Глава восьмая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Гибельной дорогой

Алексей Еремин

Текст ни одной строкой не является оправданием, которого можно было бы ожидать от меня и мне подобных, учитывая ту ненависть, которую к нам испытывает человечество. Я слишком умён, чтоб навязать своё мнение послушной черни, слишком горд, чтобы доказывать свою правоту лучшим.

Текст написан, чтоб рассказать свою правду и предостеречь от повторения пагубных ошибок, что привели человечество в столь униженное состояние.

Афанасий Разумнов

© Алексей Еремин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Путешествие, позже названное судьбоносным, начиналось в загородном доме под Москвой. Впервые двадцатидневный отпуск до предполётной подготовки был прожит в одиночестве. Жена развела со мной и детей, потому в доме было непривычно тихо. Можно было позвать сыновей к себе, или побыть с ними, но я предпочёл одиночество. Все длинные дни я не работал, не слушал новости, не смотрел фильмы, только отвечал друзьям и детям. В остальное время binder¹ молчал или играл размеренную музыку XVII – XVIII веков. Большую часть дня я проводил лёжа в кресле, в саду, вдыхая земные ароматы сада.

Дни отпуска я проживал, словно последние дни безвозвратно неудачной жизни: много кушал, выбирая самые изысканные блюда и вина из запасов; поздно ложился, поздно вставал, долго спал после обеда. Наслаждением было лежать в саду, в тишине, слабо шелестящей ветром или наполненной музыкой. Мой сад был моей гордостью, – в нём росли только земные травы, цветы, деревья. Причём, все растения были первородные, без «генов ночной подсветки», «пышных соцветий», «имплантантов ускоренного роста», «блистательных формул цвета», или «кодов вдохновляющих запахов». Целыми днями я лежал в саду, и случайные мысли, словно потоки радиации, проходили сквозь меня, оставляя болезненное знание в клетках мозга. Главное, что я понял тогда, отчего переживает тысячелетия эта древняя и тяжёлая форма сосуществования – семья. Семья живёт, ибо она традиционна, и семья живёт, ибо одному страшно в мире непредсказуемого и близкого несчастья.

Двадцатидневный отпуск достаточный отдых, чтоб устать от себя и соскучиться по работе. День был пасмурный, но батареи кокого были почти полны. Задав программу до Московского Центра Изучения Космоса (МЦИК), я дождался, когда он взлетит. Внизу, синей водой мелькнула Волга.

Я знал долгую предполётную подготовку, долгий полёт. Конечно же знал, что теперь психологи постараются подобрать холостому специалисту в полёт какую-нибудь свободную блондиночку (предпочтения вкуса), каюта которой окажется рядом. Но это случится ещё слишком не скоро. Потому я снял штаны и активировал за ухом канал прямой связи мозга с binder. Через несколько минут мы полностью соединились, и я прожил сексуальное приключение с любовницей, созданной по программе идеальной женщины. Чудесным было то, что её характер и внешний вид придумал ещё до женитьбы, забыл, и потому испытал полное ощущение соединения с непредсказуемым живым человеком. Она была врачом, у которой лечился: белые груди, с красными и круглыми, как блюдца, сосками вываливались из узкой врачебной формы, – типовой сценарий, основанный на общеизвестных подростковых мечтах; кокого послал сигнал о приземлении у МЦИК, затем binder предупредил, что я слишком долго нахожусь в прямом контакте, но только после нового сигнала, через несколько минут после которого может начаться деформирование сознания и мозговых клеток, я отключился.

Улыбнулся, обнаружив себя лежащим голым на диване. Что ж, я человек, и мне, как и всем свойственна любовь к наслаждениям. Пожалев, что семейный кокого с душем у жены, попытался умыться у краника, пролив больше воды на пол, чем на своё тело. Задав программу полной чистки я вышел. С этого, собственно, начинается *наше* путешествие.

¹ В тексте использованы общеупотребимые слова Всеяза. Перевод по словарю Клюге приведён в конце.

Глава вторая

Передо мной закрывал бледно голубое небо огромный колокол. Разноцветные окна кругами, щелями, квадратами, ромбами, пятнами зашевелились шагам. На яйцеобразной вершине как корж лежал зелёный лист биоэлектростанции.

Я шёл к светящемуся куполу, а он с каждым шагом поднимался всё выше. В любимой точке обзора я остановился. Вправо и влево плавно закруглялись стены, возносились разноцветной волной, а высоко-высоко светился снежной шапкой матовый купол зала Большого Совета, а над ним козырьком нависал край зелёного листа.

Моё любимое человеческое строение. Колокол между небом и землёй. Здание, столь зримо показавшее могущество природы пред человеком, но и единение с природой, когда разноцветные пятна на вершине сливаются в зелёный цвет земной жизни. Меня всегда восхищали не только великие инженерные решения, поднявшие на сотни метров стены в небо. Восхищало воплощение человеческого могущества в столь зримом образе. Восхищал древний и исконно русский образ колокола, возвестивший космическую эру и теперь уже не отделимый от космоса. Казалось, голова ракеты торчит из планетарной коры, и вот-вот она сорвёт камень с орбиты и полетит в простор Вселенной. Восхищала мёртвая, но живая поверхность купола, что вечно меняла цвет и форму, символично выражая единство противоположных качеств жизни, – её изменчивость и постоянство. Конечно, восхищал общий момент, отмеченный всеми, – здание представало иным с разных углов обзора, словно интересный человек, которого снова и снова узнаёшь с неизвестной стороны. Это был шедевр. В нём идеально воплотились внешняя красота, внутреннее удобство, преемственность традиций и символизм архитектурных решений, который как красота чувство, наполнял сознание мыслью. Колокол был воплощением идей Вавилонской башни, объединившей народы, вместе достигших божественных высот.

Сейчас на месте МЦИК, космодрома, биоэлектростанций, соляных станций, парковки, музея исследователей Чёрное поле, как губка изрытое норами. И когда опускается редкий здесь туман, я выхожу на край Чёрного поля. И тогда мне видится, как из облаков пара проступает блестящий огнями колокол, вода размывает огни, они расплываются, текут тёплыми каплями по щекам, и мне кажется, что живут моя жена, мои друзья, словно тот мир не исчез, а существует рядом, за непрозрачной стеной, что растворяется в тумане.

Глава третья

Через пустой дверной проём я прошёл к лифтам (сканеры службы безопасности сличили капиллярные узоры, сетчатку глаз, мой образ в целом с сохранённым в базе данных, отмерив, насколько я прибавил в весе) и поднялся на пятнадцатый этаж. Здесь, в отдельной комнате я проживу несколько месяцев предполётной подготовки.

Весь следующий день меня обследовали врачи. Затем меня «представили» капитану «Паллады» Семёну Трубецкому и судовому врачу Кириллу Небойсягрязи. Семён и Кирия были именно те люди, которых я и ожидал увидеть. В международном поиске к АЕ76 «Юрий Гагарин» был одним из лучших крейсеров, потому узнав о своём назначении, я был почти уверен в сохранении прежнего руководства в новой экспедиции. Тем более что экспедиция автономная, тем более что «Паллада» новейший линейный крейсер Сибирского флота.

Командная структура поисков отлаживалась тысячелетиями в земных армиях и земных обществах и уже больше двухсот лет космической эры. В автономном плавании руководство и экспедицией и кораблём у капитана. Моя должность – начальник службы контакта. Узко, специальность заключается в исследовании внеземных цивилизаций и выстраивании отношений. Шире, в общем руководстве планетарными исследованиями. Руководители биологов, геологов, штурмового отряда, даже медиков (в определённых случаях), – все кто может ступить на планету подчиняются начальнику службы контакта. Без моего ведома на планете не появится даже командир. В остальном в экспедиции царит единоначалие, все вопросы и споры разрешает капитан. В определённых Уставом случаях собирается триумvirat: командир корабля, судовой врач, начальник службы контакта. В триумvirате мы имеем равное право голоса, решение принимает большинство. В случае гибели командира, согласно Уставу его место занимает начальник службы контакта, после его гибели – судовой врач, и так далее до рядового десантника.

На первом этапе подготовки мы набирали команду. Капитана, судового врача и начальника службы контакта назначал Большой Совет МЦИК. Из тысяч отобранных врачами и психологами кандидатов Трубецкой, Кирия и я отбирали членов команды. Я избирал начальников геологического, биологического и десантного отрядов, а также сотрудников в свою службу контакта. Первым делом были назначены начальники отрядов. После того, как они приступили к подбору своих подчинённых, я занялся изучением кандидатов в службу контакта.

Недели заняло чтение их биографий, изучение отчётов психологов и врачей, разговоры с ними. Оставшиеся кандидаты почти становились сотрудниками службы и допускались к финальному экзамену.

Экзаменом был фильм об освоении Сибири. Трудно придумать более неудачное название для лысой планеты с тёплым климатом. Но день открытия планеты был одним из самых холодных, и огромные пространства единственного материка тогда были покрыты заснеженным лесом.

Виндер с фильмом подключался к мозгу кандидата. Испытуемый сидел напротив меня, – я хорошо видел все его движения, а оборудование открывало его сознание.

Под величественную музыку властную бессознательным воздействием он летел над бескрайними просторами заснеженного леса с голубыми окнами озёр, голубыми дорогами рек, которые позже усохнут и станут Волгой, Окой, Енисеем, Москвой-рекой.

В снежном поле выстроены пятиместные panzers, – литые жуки стального блеска, – ряд обледелых могильных холмов. Блестит снег, блестят льдом panzers, залитые, как пирожное прозрачной сахарной глазурью, жидкими кристаллами солнечных батарей. В хрустящую траву погружаются ботинки. Из сугробов там и здесь торчат белёсые метровые стержни.

Дальше высятся в бледно-голубое небо белёсые двадцатиметровые стволы. Словно ост-роконечные колпаки сужаются кверху ярусы листвы. Сверху деревья искрятся белым сне-гом, снизу блестят листвой. Листва неземная: крупная, странного цвета смешения зелёного и жёлтого. Тёма, – искусственный человек, низкорослый и широкий, с толстыми руками, одетый в оранжевый комбинезон, хватается за торчащий из земли прут. Невероятной силы его руки с трудом вытягивают из земли стержень, приподнимая паутину белых корней, ух-дящую под землю во все стороны. Убедившись, что угрозы нет, человек обрезает лучом кар-манного ножа корни, вместе с Тёмой они пересаживают образец в контейнер.

Толпа людей, которых испытываемый чувствует как самых близких друзей, стоит у опушки леса. Люди счастливо смеются. Panzers просвечивают рентгеновскими и инфра-красными лучами лес. Экраном в воздухе повисло цветное изображение; движутся какие-то существа размером с ладонь. Крупных животных в лесу не обнаружено, таких, какие водятся в полях и лысых горах континента. Серебристые сигары размером с ворона летают взад-впе-рёд вдоль опушки леса, снуют, словно иголки, сшивая два куса чужеродной ткани. Попис-кивая датчиками, блестящие сигары мелькают за стройными стволами. Экран показывает пустой лес. По шершавому стволу стекает ручей жуков. В колонну по одному по стволу бегут почти земные создания, но белёсого цвета, размером со щенка собаки и с круглой головой на шее. Оранжевая полоса обручем охватывает круглую голову. Быстро-быстро перебирают ствол лапки, словно пальцы пианиста клавиатуру. Такие жуки встречались в полях. Испы-тываемый знает, что жуки не опасны, хотя они питаются не только растениями, но и животной падалью, набухший оранжевый обруч на голове это глаз; насекомые, как и все познанные существа на планете, не разумны, всего лишь животные. Цепь жуков тем временем сползла на ковёр листьев. На мгновение строй застывает, а затем, как по команде, брызгает в разные стороны, вызывая смех, – радостный и нервный, – смех решающего шага.

Люди выстраиваются в линию и идут в лес. Любимая девушка оглядывается и печально улыбается ему, – они впервые идут в лес, а он остаётся у своего panzer. Густая цепь вхо-дит в лес. До него доносится смех. Их тела в чёрных костюмах мелькают между толстыми стволами на экране. Они переговариваются между собой о гигантских деревьях. Испытуе-мый, что сидит передо мной, задумчиво трёт лоб, вглядываясь в воображаемый экран. Ему кажется, в лесу живёт нечто нехорошее. Неожиданно, в нижнем углу экрана, по изображе-нию леса бегут цифры, столбы вырастают, всё выше и выше, словно роща. Ромашкой в углу экрана распускается окошко с плоской мордой жука. Рядом распускается ещё одна морда с острым клювом, словно наконечником боевой ракеты. Мгновенно экран окантован цве-тами из страшных жуков. Справа всё выше и выше растёт столбец цифр, отсчитывая милли-оны живых существ, – и тогда ножом в его ухо вонзается одинокий крик, а после вой людей и хруст заполняют его, словно в слуховом проходе проворачивают лезвие. По его команде в небо поднимаются panzers. Крики крадут ценные секунды, мешают думать, наконец он отдаёт приказ о выводе изображения.

Лес живёт. Стекающими спинами шевелятся стволы. Лесная земля напознана на него, шевеля усами, блестя оранжевыми полосами глаз и хрустя листвой. Её лицо. Лоб закрывает белёсый панцирь жука, его голова свесилась со лба и утонула в её окровавленной глазнице. Всю правую часть лица затопил серым тестом, словно наросшей опухолью, паук, что нена-сытно снова и снова кусает её в обгрызенный нос. Живой человеческий глаз. Человеческий глаз заполняет экран. Это её глаз, живой голубой глаз с чёрным зрачком в нимбе золотых звёздочек. На мгновение его заслоняет плоская белая голова с иглой клюва. Снова появился голубой, любимый, её глаз, – и точно в зрачок вонзается игла, брызнув в экран слезу.

Человеческих тел в лесу не видно. У подножия деревьев могильными холмами копо-шатся жуки.

Следующий эпизод был засекречен. Он был зафиксирован через несколько месяцев после уничтожения первых исследователей Леса. Но специально для кандидата события были максимально впечатляюще смонтированы.

Он видит мужчину лет пятидесяти, севшего на землю спиной к дереву. Перед ним шевелится белёсый ковер насекомых. Но они не поедают человека. Сквозь дыру в зелёной штанине он видит молочную кожу в красных веснушках и рыжих волосиках. В обрубок ноги над ступнёй веером воткнулись узкими мордами три жука, словно котята в соски матери, на белых панцирях спин капельки чёрной крови. У высокого среза бедра другой ноги двухэтажной пристройкой шесть жуков; кривые коричневые лапки на твёрдых белых панцирях. Человек в красной шапочке. Приглядевшись испытываемый видит, под зловещую музыку, несущую страх, что это не красная шапочка, – у человека съедена крышка черепа. Из мозга в землю уходят двумя шлангами два белых корня. Карие глаза задумчиво застыли. Но член твердеет и поднимается вверх, набухает, растёт тёмно-красная головка. Неожиданно, откуда-то сбоку, на длинных тонких ножках осторожно, словно балерина на носках, подбежало насекомое с круглым телом, размером с кулак. Тело, повисшее между тонких ножек, полупрозрачно, словно сквозь наледь, виднеются тёмные пятна и нити внутренностей. И когда уже человеческое семя должно было выплеснуться, внизу брюха между ножек раскрылся рот и проглотил всё. Разбухший паук приподнялся на длинных ножках, повернулся и побежал в глубину Леса, вдоль вереницы таких же пауков, что подвинулись вперед и вновь легли на листву, соединив над телами стропилами лапки.

Семья лучшего русского биолога, профессора Новосибирского и Бирнин-Коннийского университетов запретила обнародование образов извергающего семя человека со вскрытой черепной коробкой. Правительство с удовольствием засекретило материалы, что однозначно доказывали уникальную интеллектуальную систему Леса, разумность деревьев, способных навязать свою волю нашему сознанию, управлять чуждой им физиологией гуманоида.

За пару лет сосуществования было осознано, что Лес представляет собой уникальный симбиоз флоры и фауны. Причём, было доказано, что растения обладали мозгом в какой-то форме, ибо управляли поведением насекомых. Но наладить контакт не удавалось. Тысячи лет эволюции-обороны от животных и насекомых равнины, прежде чем часть из них стала сожителями Леса, не прошли бесследно, – Лес не нападал, но и не пускал в себя человека. Руководство Сибири сочло, что невозможно обеспечить безопасность переселенцев, прибывавших с перенаселённой Земли в огромных транспортах, рядом с таинственным Лесом. Поскольку человечеству не удалось проникнуть в Лес, а так же по целому комплексу иных причин, которыми мы так умело прикрываемся, было решено подвергнуть опушку Леса по всему периметру на глубину 15—20 км бомбардировке. Замысел операции состоял в том, чтоб продемонстрировать Лесу человеческое могущество и вынудить его пойти на контакт. Вторым основанием для принятия решения было желание учёных исследовать хоть обгорелые остатки Леса, а также небольшие острова живого Леса, которые предполагалось изолировать от основного массива.

Я хорошо помню, как деревья умирали: сотни раз я просматривал полу-немые фильмы, намеренно заглушенные режиссёрами, чтоб не просочился неслышимый человеку шум агонии миллиардов насекомых. От этого неслышного шума люди сходили с ума. «Последняя месть Леса» сочинили журналисты.

Но в этом не было мести, просто Лес не умел погибать удобно нам.

Лес, протянувшийся на тысячи километров вымер весь за четыре дня. С ним умерло всё живое, жившее в лесу. Деревья сбрасывали листья и оставались стоять голыми скелетами, скрипящими на ветру. Взгляд летел над тысячами и тысячами километров высоких белых деревьев без листьев.

Словно торчали в небо миллионы белых рук закопанных заживо.

Официальный отчёт о гибели Леса содержал прогноз: «Предполагаем, что при наличии благоприятных условий, а именно, отсутствии планетарной катастрофы, результатом которой явилось бы резкое изменение состава почвы либо атмосферы, Лес продолжил бы своё развитие. Можно с достаточно высокой долей вероятности предположить, что через 7—11 тысяч лет Лес покрыл бы собой всю сушу планеты, создав единую экосистему планетарного масштаба. Возможно, результатом такой эволюции явилось бы создание единого разума, который управлял бы планетарной жизнью в гораздо большей степени, чем человек на Земле».

До сих пор не ясно, отчего погиб Лес. Известно, что все деревья между собой были соединены корнями в единую паутину, по которой, как предполагается, могли передаваться пища, вода, информация. Возможно, эта нервная система просто не выдержала гибели столь значительной части Леса. Но Лес существовал десятки тысяч лет, за которые его взрывали метеориты, сжигали молнии, и выжил. Иногда мне кажется, что это было самоубийство. Не сумев объяснить нам себя, Лес просто перестал бороться за существование... Древние люди, узнав о поражении, сами уничтожали себя, чтоб не достаться врагу. Или Лес вымер как десятки миллионов туземцев, уничтоженных европейцами, — лишённые земли, веры, свободы, — лишённые смысла жить, — они вымирали, но *не убивали себя*².

А испытываемый после всей этой информации вновь видел искалеченных людей, гибель возлюбленной, обглоданные трупы, вынесенные спецмашинами. Здесь кандидат проходил главный тест: чувство жалости к людям не должно было значительно превысить чувство сострадания к гибели внеземной цивилизации. Если же оно превышало допустимый порог, или тем более превращалось в ненависть к Лесу, экзаменуемый отчислялся как неспособный принять чуждую правду.

² Что злодеяния римского сената и императоров, Пол Пота, Чингисхана, Сталина, Гитлера, королевы Виктории, Наполеона и миллионов остальных, — детская злость, не больше. Только сейчас человек повзрослел!

Глава четвёртая

Я мучительно думал, стоит ли писать о ней. Слишком личные это слова и далеки они от больших событий. Но определив целью книги свою правду, я обязан описать всего себя; став волей судьбы одним из тех проводников, по которым прошёл ток большой истории, обязан объяснить своё внутренне устройство тех месяцев, свои личные чувства и мысли, которые, уверен, влияли на большие решения.

Правильные черты лица, короткие русые волосы, тонкие пальцы рук. Под тонким голубым shiuk рубашки и брюк проступало длинное худое тело, маленькие нацеленные груди. Словно кто-то провёл по мне по животу тёплой ладонью. Волнение, как взрывная волна, ударило дрожью в тело. «Что же делают психологи с нами?!», – раздражение словно кислота пожирало восхищение красотой; я искал и находил слишком тонкие губы, что уши топорщились, и, пожалуй, были великоваты. В её серых как сибирский гранит глазах были плотно сжаты, как вещество в сердце планеты, в одно чувство любопытство и волнение. Коренная сибирячка Елена. Как большинство коренных сибиряков она была высокого роста, тело её было вытянуто из-за меньшей чем на Земле гравитации и походило на людей с поздних портретов Эль Греко.

Она улыбнулась. За секунду покраснев я очнулся, хотел бы написать «началось обычное собеседование», но как расщеплённое двигателем корабля мёртвое пространство космоса горит и бушует, так моя покойная душа горела и бушевала.

Внешне, как мне казалось, я оставался естественно спокоен, только иногда, пойманные её взглядом, растягивались слова и запинаясь буквы. Почти незаметная улыбка приподнимала уголки рта, и я совершенно терялся, понимая, что сквозь моё напускное спокойствие она видит так же ясно смятение души, как электронный телескоп сквозь звёздную туманность. В стыде неопытного ученика перед проницательным учителем прошло первое собеседование. Я был благодарен ей, что она была тактична, и моё волнение не проявилось ни в её улыбке, ни в снисходительном взгляде.

Несмотря на смятение моих чувств, объективное вредное для поиска, специалистом была она прекрасным, добросовестно изучила всю доступную информацию о системе Жёлтого Дракона, потому была зачислена в службу контакта.

Ни тогда, ни сейчас, через столько лет безнадежной разлуки, не могу объяснить свою любовь. Ни внешностью ни нравом она даже не походила на «женщину моего вкуса», не подходила под избранный и облюбованный за годы образ.

Беззаконная любовь, основанная на эфемерных предчувствах, которые мы понять, даже вывести на свет сознания пока не способны.

Глава пятая

Итак, Линь Цзе Сюй³. Планета у звезды Жёлтого Дракона была открыта космической лабораторией «Фа Сянь»⁴. «Фа Сянь» совершал рутинный полёт по составлению карт и поверхностному исследованию звёздных систем. Необходимо, чтобы выходя из надпространства в заданной области космоса, корабли не сгорали в солнцах, не разбивались о планеты, не попадали под губительное притяжение чёрных дыр. Поэтому, выйдя из надпространства, картограф, ориентируясь по звёздному небу, определял своё местонахождение, после чего этот сектор становился картой; фиксировалось время и направление движения в надпространстве, точка выхода, — так появлялся безопасный маршрут в эту часть Вселенной. Определив местонахождение и составив карту, корабль бегло исследовал солнечную систему, после чего совершал прыжок к следующей остановке.

Войдя в систему Жёлтого Дракона, «Фа Сянь» с расстояния в несколько сот миллионов километров обследовали все пять планет.

Со второй от звезды планеты были получены многомерные изображения *нечто*, что биологи, футурологи и физики лаборатории определили как «предположительно искусственные творения». Там же были записаны многочисленные, явно осмысленные сообщения в низкочастотном диапазоне не доступном человеческому уху. Похожие сообщения были записаны и на самой дальней, самой большой планете. Появилась первая из тысяч загадок, что преподносит каждая звезда. Но число загадок в системе Жёлтого Дракона мгновенно множилось на неизвестную величину. Как может существовать цивилизация на двух планетах, разделённых расстоянием в 800 миллионов километров, которые за время существования получили совершенно различные объёмы солнечной энергии; как может существовать одна цивилизация на планетах разных масс, когда по расчётам масса дальней планеты в 53 раза больше массы ближней; разных объёмов, когда дальняя планета по объёму в 383,3 раза больше объёма ближней? Средняя температура на дальней планете на 300 градусов ниже, а сама планета скорее газовое облако, и, условно говоря, «кусок» дальней планеты в нормальных условиях будет плавать в воздухе, в то время как ближняя планета состоит из густых, плотных газовых скоплений.

В отличие от тысяч планет замороженных в лёд газов, Линь Цзе Сюй была планетой газов горячих, которые удерживались большой скоростью вращения планеты и мощным притяжением её ядра. Высокая температура, губительная радиация делали её смертельной для человека. Но по этой же причине жизнь на планете была уникальна⁵.

Одно осознание того, как существует разум на газовой планете, означает для человека тысячи открытий в биоинженерии, теории газов, химической биологии, биокосмогенезе наконец.

Единственным не противоречивым предположением была межпланетная цивилизация.

Ближнюю к Жёлтому Дракону планету называли Линь Цзе Сюй.

³ Линь Цзе Сюй (1785—1850) — государственный деятель Китая, активный противник порабощения Китая англичанами. Губернатор, возглавивший борьбу китайского народа против английских войск во время первой «опиумной» войны.

⁴ Китайский путешественник 7 века.

⁵ Быть может, жизнь на Америке и Сибири была столь же богата открытиями для человека, но уничтожив её, мы сами превратили исследования биологические в археологические. Но у Жёлтого Дракона разум проявил себя вызывающе очевидно — межпланетные путешествия кораблей, обмен сообщениями, спутники у планет. (Человечество вынесло вердикт разумности даже не рассмотрев возможность, описанную в футурологических трактатах, что объектами на орбите и в космосе могут быть нецивилизованные животные).

После возвращения «Фа Сянь» было принято единогласное решение об отправке исследовательского флота в систему Жёлтого Дракона. Мы впервые имели возможность познать межпланетную цивилизацию! Решение на поиск было единственно возможным. Из четырёх человеческих планет Азия находилась ближе всех к загадочным планетам. На Азию стали прибывать эскадры с Земли, Америки и Сибири.

Флот из сотни кораблей доставил двадцать тысяч людей, которые за четыре земных месяца совершили больше открытий, чем все исследовательские экспедиции за несколько предшествующих лет. Было выявлено, что единственной обитаемой планетой являлась Линь Цзе Сюй. Её населяли существа длиной в два с половиной-три метра веретенообразной формы, прозрачные для человеческого глаза, располагавшиеся горизонтально относительно окружающей среды, как земные рыбы или пресмыкающиеся. По телу тянулись нити, которые мы оценивали как центры мозговой и нервной деятельности. В середине корпуса существовал сгусток похожей структуры, соединённый с нитями, который, видимо, являлся аналогом человеческого головного мозга. По его сторонам располагались две полости заполненные лёгким газом, – с их помощью особи могли принимать и издавать звуковые сигналы. Зрительные органы, органы обоняния у Fad отсутствовали, но с помощью эхолокации, электромагнитной и акустической, они прекрасно ориентировались в пространстве⁶. Пищей для существ были планетарные газы; сквозь мембрану поверхности тела они поглощались и преобразовывались в энергию, – ничего похожего на систему пищеварения у Fad не существовало. Одна часть Fad поросла тонкими волосками способными генерировать электрические разряды различной мощности и создавать бесконтактное давление, которую биологи условно называли «головой». Сон им был неизвестен. Удивительно, как эти существа без мышц и костей на газовой планете смогли создать прочные материалы и разработать космические технологии. С другой стороны, им, наверное, так же трудно понять, как обладая неловкими и грубыми пальцами, человек смог приручить электричество, освоить атомарное строительство материалов и создать нанокomпьютеры, если его органы чувств не позволяют ни ощущать ни видеть мельчайшие частицы.

Впервые в истории была выявлена цивилизация способная к межпланетным перелётам. Здесь воплощение разума физически меняло своё местоположение и создавало весо-мые и габаритные сооружения, то есть в некоторых элементах совершенно случайно повторило эволюцию разума на Земле. По простейшей аналогии Fad были признаны разумными. Не повтори они в этих элементах развитие человека, кто знает, признали бы мы цивилизацию Линь Цзе Сюй, либо увидел лишь животных, как случилось на Америке, либо растения, как на Сибири. В космосе Fad перемещались на вытянутых как древние ракеты кораблях сужающихся к носу. Существование надпространства, и, как следствие, возможность путешествия в глубоком космосе не были им известны. Жители Линь Цзе Сюй сравнительно недавно освоили сообщение с планетой на окраине своей системы. Там огромные объёмы газов путём давления и заморозки они соединяли в транспортабельные массы, затем придавали им внешнее ускорение, активизировали химические реакции внутри газового конденсата, и титанический объём вещества сам перемещался к их планете.

Цивилизация Линь Цзе Сюй поразила людей. Уникальные, ещё не известные человеку технологии по сжижению и транспортировке гигантских объёмов вещества, удивительные достижения в плавке, сварке, химических соединениях веществ, молекулярном и атомарном строительстве, использовании магнитных сил, а рядом бедность материальной культуры, которая находилась по числу предметов, наверное, на уровне древнеримской республики.

⁶ Fad происходит из смыслового корня нескольких европейских языков с основным вкусом – бесцветный, с привкусом – неясный, неопределённый. Fad укоренившийся, но неудачный термин, ибо даёт лишь внешнюю, да и то неполную характеристику обитателям Линь Цзе Сюй.

В тоже время их знания, информационное богатство вполне сопоставимы с человеческим, хотя, конечно, и значительно меньше. На планете, на сколько удалось выяснить, не существовало никаких иных форм жизни, сколь-нибудь соответствующих определению животное-рептилия-насекомое. Колонии бактерий и Fad. Поразительно – генезис разумной жизни без противников на планете, без развития в борьбе за существование. Всё население Линь Цзе Сюй не превышало полутора миллиардов особей. Представляется, что жизнь их создательно богата, но духовно бедна. Экспедиции достаточно быстро удалось освоить их язык из серий сигналов в низкочастотном недоступном человеческому уху диапазоне. За всё время роиск они не предъявили человеку никаких требований. Исследовательские группы беспрепятственно «высаживались» на планету – фактически это означало плавание в скафандрах в газовых облаках без использования движителей и перемещение под ranzers подвешенными на стропах магнитных волн; космонавты, как металлические скрепки передвигались под ranzers, что находились в верхних разреженных атмосферных слоях, где можно было включать огнеопасные двигатели без угрозы подрыва газовых скоплений.

Таким образом, Fad изначально не препятствовали деятельности человека. При этом они сразу выдвинули требование: оставить систему Жёлтого Дракона и не возвращаться. Они не желали иметь с нами никаких контактов по совершенно загадочным причинам. Будто в своё время мы их обидели. «Паллада» отправлялась в одиночное плавание к Линь Цзе Сюй, чтоб объяснить позицию людей, которые стремятся к мирному добрососедству, объяснить богатство взаимных контактов, донести, что человечество не сможет выполнить их требование, и, наконец, стать первым дозорным.

Оставить без надзора цивилизацию вышедшую в космос, потенциально способную достигнуть ойкумена и атаковать населённые миллиардами людей планеты человек не мог. На смену «Палладе» к Жёлтому Дракону должны были отправиться целые эскадры, которые, нравится это туземцам или нет, будут наблюдать за их развитием. Каждому человеку, в том числе и мне, было очевидно, что безопасность человечества в условиях, когда одна внезапная атака способна уничтожить нас как вид, требует надзора над Fad. Вместе с тем мы, конечно же, не собирались вмешиваться в их жизнь и развитие, и донести эту благородную и гуманистическую позицию до жителей Линь Цзе Сюй и надлежало экипажу «Паллады», а конкретно мне, как главе службы контакта.

Глава шестая

Команда корабля, разделённая стенами, работала в отделах. Иногда проводились общие учения, чтоб отработать экстренный взлёт, срочную эвакуацию, проверить слаженность экипажа, произвести очередной отсев негодных в роиск. Но однажды не только экипаж «Паллады», но всех, кто находился на территории МЦИК, подняли по боевой тревоге.

Мы быстро облачились в униформа: голое тело облепил эластичный скафандр, голову укрыл шлем с прозрачной личиной. На спине походный ранец, правую кисть заключил и продлил руку автомат. На левом плече униформа, как птица у древних пиратов, нарост ракетницы. Мы вошли в прямой контакт; перед глазами по очереди переключились режимы зрения – тепловой, звуковой, электронный; огляделись вокруг сенсоры, активировались защитные поля; словно лампа в комнате в мозгу зажглась и погасла информация о боеком-плекте, таблетках питания, запасе энергии.

Ночью в густом тумане под командой офицеров десанта под прикрытием panzers мы прочёсывали полигон. Нашему отделению, подчинённому сержанту пехоты, отвели участок в 7 километров по фронту. По приказу мы перестали дышать процеженным воздухом и перешли на автономное дыхание скафандра; капсул питания, газовой смеси для синтеза воды и воздуха хватило бы на несколько дней. В ранце лежал ещё нетронутый боезапас – пули, батареи электрических зарядов, запасные линзы и аккумуляторы тепловых лучей, выстрелы парализующего газа, рассчитанного на человека и известных млекопитающих, самонаводящиеся ракеты, «колючки», что зарывались, как древние мины, создавая поля смерти, или наводились с высоты как бомбы. По команде, вздрогнувшей в мозгу, мы загрузили в форменный binder маршрут, поднялись на сто двадцать метров, включили ночной обзор и медленно двинулись вперёд с патрульной скоростью в десять километров. Над нами плыли panzers. Через несколько часов утомительного патрулирования вторая линия вышла вперёд, мы вышли из прямого контакта. Я заснул. Через час binder разбудил, подключился к мозгу, мы вновь вышли в передовую линию. Уже рассвело. Мы устало рассматривали жёлтые поля Сибири, посёлки двухэтажных домов, свои тени в плоских зеркальных крышах солнечных батарей. Маршрут шёл через Переславль. Издалека он казался тесным кустом остроконечных сталагмитов. Мы приближались; каждое остроконечное строение увеличивалось, наступало, закрывая обзор. Приказа о смене высоты, о разрешении переговоров не было, и мы, словно лыжники на искусственных снежных склонах, построенных на полюсах Сибири, лавировали между зданиями, как между флажками. Размеренный строй распался; выбирая сходные маршруты, мы сбивались в пары, отставали, уворачиваясь от раскалённых облаков panzers, скользящих между домами. Я задержался, потеряв скорость в поворотах. Но по карте дальше было озеро, я не спешил, собираясь нагнать цепь над водой. Неожиданно между двумя башнями что-то вспыхнуло. Тело затрясла тревога, объявленная по цепи. Я выскочил над акваторией, – впереди, километров в пять по фронту из воды протянулись к солдатам лучи. Вокруг тел в униформа искрились, словно фейерверки, несколько мгновений защитные поля, гасли, будто отключали электричество, и вниз валились куски тел. Змеёй с чёрной головой и белым туловищем, пересекая картину воды и неба с солдатами, наполнившую мозг, пикировал сбитый panzer. Сверху, будто конфетти в искрящийся, перекрещенный лучами праздник, сыпались обломки. В сознании прозвучала общая команда, и я на полной скорости вонзился в воду, наблюдая сенсорами заднего вида, как ещё один panzer попал в перекрестье лучей, вспыхнул звездой и осыпался обгорелыми лепестками. «Не похоже на учения». В сознании один за другим сменялись режимы зрения, – человеческий, тепловой, электронный, ультрафиолетовый, – ничего не было видно, только неясное пятно в глубине, заштрихованное помехами. Нечто огромное с большой скоростью подни-

малось со дна. Познавая мир Сибири, я понимал, что это наверняка животное, но может быть и разумное существо, но не машина. Оно убивало нас, ибо я чётко видел, как раскрылась рядам униформа, из неё вывернулись внутренности, словно красная роза. Связи с сержантом не было, но по каналам командующего неслось «Атака! Атака!».

«Но может быть, это существо внизу, это последний уникальный разум планеты?»

«А если это учения и я не подчинюсь приказу? Меня отчислят, я не увижу Линь Цзе Сюй».

«А если жизнь, если мы вслед за Лесом уничтожаем уникальную форму жизни?»

«Меня уволят с флота за неисполнение приказа».

Ракетница дала залп, я помчался в бездну, мысленно распоряжаясь о настройке автомата на выстрелы электронными зарядами, включении на полную мощность защиты, чтоб электронные разряды и взрывная волна не сварили меня в воде. Неожиданно помехи спали. Гигантское существо с головой на длинной шее, похожее на дракона без хвоста, рыскало подо мной. Голова поворачивалась из стороны в сторону, из четырёх глаз тянулись кипящие в воде лучи. Воду бурили пенные стволы ракет, валились бомбы с panzers. Мгновение, и существо покрылось вспышками, рваными ранами, дымящимися синими чернилами крови. Всё это я видел уже спиной, поднимаясь на поверхность, чувствуя каждые две секунды толчки, когда вниз, мне в ноги отстреливала очередная ракета. Там всё пучилось в разрывах, а приглушённый фильтрами, но всё равно могучий жалостливый стон стоял в ушах, но я уже был спокоен.

Четырёхглазого дракона с глазами-лазерами мог придумать только человек.

Существом был автомат. Взрывались panzers без экипажей. Погибшие солдаты были биомашинами.

Дорогие учения.

Отличная пехота способная победить любые неожиданности. Верная тактика, мощная атака. Прекрасная униформа, доказавшая свою мощь на пиратских базах и в планетарных бунтах. Но кто знал тогда, сколь бесполезно всё это в будущей войне...

И напротив, сколь значимы мои жалкие сомнения перед атакой.

Глава седьмая

С приближением даты отлёта напряжённость работы возрастала. Дни проходили в проверках подчинённых мне отделов. Неделями сотрудники службы контакта жили рядом друг с другом, вырабатывая слаженность механизма. Как детали в моторе они притирались друг к другу. Контролируя их работу, я с психологами отслеживал роль каждого человека в коллективе, скрытые противоречия, подавленные антипатии, – внутренне напряжение в критический момент могло разорвать экипаж, как ядерный реактор. Одного из сотрудников пришлось отчислить, – ни её блестящий ум, ни огромные знания не стоят внутренних конфликтов при инопланетном контакте.

Вечерами, когда удавалось выкроить свободное время, капитан Трубецкой, судовой врач Кирилл Небойсягрязи и я собирались втроем распить бутылку драгоценного земного вина. В уютном баре МЦИК в отдельном кабинете мы возлежали на креслах, принимавших формы наших тел. Наш капитан, большой человек с густыми русыми волосами высокой волной уходившими к затылку, с усами и короткой русской бородой, с соразмерными чертами лица, всегда был немногословен. Потому мысли его всегда были точны, а гипотезы свежи и неожиданны.

Противоположностью был разговорчивый Небойсягрязи. По последней моде обритый наголо, но с тёмными узорами подращенных на сантиметр волос, что покрывали растительным орнаментом лысую голову. На тёмном лице светилась подковка усов выбеленной кожи, к правому уху поднималась по загорелым ступенькам лесенка незагорелых полосок. Надув вином щёки он маленькими глотками толкал вниз кадык, который всплывал, словно поплавок, Кирия замирал, наслаждаясь эхом вкуса, и начинал говорить, задавая тему наших бесед.

Конечно, больше всего мы говорили о системе Жёлтого Дракона. За два с половиной века исследований глубокого космоса человек ещё не сталкивался с цивилизацией освоившей межпланетные путешествия.

Никто из нас не нашёл определённый ответ на загадку Линь Цзе Сюй, но единогласно решили, что есть тайна в системе Жёлтого Дракона. Все мы хотели разгадать её; природное любопытство, – эхо творческого начала человека, опасение неизвестного, впитанное генами за тысячи лет выживания, притягивали нас, словно песни Сирен мореходов к гибельным скалам.

Расслабленные и усталые мы сидели молча, попивая вино маленькими глотками, чувствуя его удивительный земной вкус, отличный от американских, азиатских и сибирских вин. Каждый думал о своём. Наконец забыв о предполётной подготовке, о Жёлтом Драконе, я вспоминал детей, думал о Елене.

В те дни в мыслях не было никакого страха за их судьбы от полёта к Жёлтому Дракону, никакого предчувствия, что роиск станет роковым в наших судьбах. Тогда я удивлялся, что во мне возродилась юношеская душа: никакого влечения к Лене я не испытывал, больше того, мысль о близости казалась мне нечистой. Я любил её любованием и восхищением. С усмешкой пожившего думал о том, что теперь единственным и совершенным счастьем для меня стало быть рядом с ней, видеть, как в задумчивости глаза её застывают в сибирский гранит, а мизинец помещается в уголке ровных губ, как улыбка за мгновение преобразует её серьёзное лицо, как по-детски светятся розовым светом раковины её ушей, как размышляя, она приподнимает со лба волосы ладонью, а над переносицей играют клавиши морщин, как стыдливо хохочет, закрывая ладонями лицо, и что нет у неё татуировок на пальцах, не окрашены ногти, не выбриты узоры в волосах, нет украшений на лице и шее, и она естественно прекрасна, как степной сибирский пейзаж у тихого озера её родины.

Краснею и прячу глаза, встретив её внимательный и неподвижный взгляд. После него как-то глупо давать ей задания или спрашивать о результатах исследования социальной структуры Fad. Чувствовать преклонение перед ней было восхитительно и стыдно. Стыдно тем сильнее, что она понимала меня. В её серьёзном или весёлом взгляде я видел отражение своего волнения. Это было словно голым выйти в театр. Она понимала меня, я же не знал её мыслей. Она всегда была дружелюбна и приветлива, но держала дистанцию подчинённого лица.

Накануне вылета жена привезла в МЦИК детей. Мы провели два выходных вместе. Мы гуляли по Москве, побывали в музее исследователей, на космодроме, посмотрели мою каюту в МЦИК. Тогда и сейчас, чувствовал и чувствую, каким счастьем были эти два дня моей жизни. Только теперь воспоминание о счастье отражается болью – последний раз я видел всю семью живой.

Глава восьмая

Перелёт это работа. Экипаж это рабочий механизм. Человек это деталь механизма. Экипаж собирают и тестируют на земле, но слаженно работать механизм начинает только в месяцы полёта.

Крохотная каюта. Из боковых стен в узкий проход раскладывается кровать или стол с binder. Из стены над кроватью раскрывается гардероб. Из стены над столом выезжают полки с личными вещами – напитки, сладости, любимые книги. В короткой стене напротив входа мутная пластмасса туалета и душа. Соседская жизнь не слышна, но стены столь тонкие, что взрывная волна, проникнув в крейсер, мгновенно сомнёт все переборки. И это правильно. Единственный способ выжить в космосе заключён в корабле. Мечтать спастись в скафандре или лёгком катере всё равно, что надеяться пересидеть шторм под водой, захватив полные лёгкие воздуха.

Вода, сотни раз испачканная и очищенная. Моча и кал, выжатые в питьевую воду. Обьедки, возрождённые в пищу. Всё облегчает военный крейсер. Все трудности жизни для того, чтоб установить лишний защитный экран, увеличить мощность реактора, добавить ещё одну солнечную батарею, всё для того, чтоб иметь шанс спастись в реальном космическом сражении. В сражении, которого ещё не было за двести лет kosmoera, (спецоперации против ригейт и подавление бунтов konterritorio не в счёт), и, как тогда казалось, не будет никогда.

Общественные зоны «зелени», «еды», бар, тренажёрный зал – всё было подчинено созданию боеготового, слаженного экипажа, в котором дружеские, семейные и любовные узы были несущим каркасом.

Из каюты шесть шагов в пять дверей узкого коридора к лаборатории. В овальной лаборатории по стенам откидные столы рабочих мест. В центре комнаты овальный остров, – банк данных и исследовательская аппаратура. Через четыре часа шаг из лаборатории в шахту лифта и секунда до столовой. Пол часа еды и полтора отдыха. Вновь пять часов в лаборатории. Вечером (сибирской ночью), ужин в столовой, шум в переполненном баре, жар в переполненном спортзале, либо тесная каюта. Я оставался в каюте и снова работал, затем засыпал. Просыпался через шесть часов бодрым, деятельным, неспособным доспать ещё два привычных часа. Ночью мгновенно засыпал, чтобы вновь проснуться за два часа до побудки.

Иногда я садился на balkon и смотрел, как мы плывём в космосе, словно в тёмной воде, усыпанной светящимся планктоном. В эти часы поглощения космосом я успокаивался, волнение работы уходило. Как расслабленный массажем, я засыпал, успокоенный плавным течением космоса. Но через несколько минут просыпался, будто меня будили. Однажды я проснулся под взглядом Кирии.

Он увёл меня в медчасть, где после обследования предложил успокоительные пилюли. Но мы оба знали, что сняв нервное напряжение, мы отключим и источник питания восхитительной работоспособности.

Вечером одного из однообразных дней я вернулся в каюту. Потолок и стены озарил яркий, рабочий, последний перед выходом свет. «Дважды темнее», – свет потускнел. «Ещё темнее», – и каюта погрузилась в вечер, в углах легли тени, потемнел потолок. Тишину разобрало на отдельные клавиши тихое фортепиано. Я высыпал в стакан сухой сок, растворил его тёплой водой из крана в душе, нажатием кнопки откинул от стены кровать и сел на край, упираясь лбом в стену.

С момента старта с орбиты Сибири во мне жило волнение. Волнение необъяснимое, причину которого я искал в семейных переживаниях, в разлуке с детьми, в Елене. Но изучение моих переживаний было скучным; все мысленные ходы и закоулки чувств были известны, как пройденная игра в binder. Ничто не мучило меня из семьи. Боль развода пере-

жита. Расставание с детьми после счастливых дней было болезненным, но привычным, было частью работы. Елена жила особо, вне связи с нервным напряжением. Корабельный психолог, просматривая мои сны, произвольно записанные binder, расшифровывая мои видения и ответы, извлечённые в гипнотическом обмороке, разбирая эти отпечатки ног вечно неуловимой Психеи, опытный следопыт не находил основания нервозности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.